Москвич из Дубны Александр Карнаухов

Читая на сайте офицеров-ветеранов ВСЧ АЭП (http://25525.ru/) воспоминания своих однокурсников – выпускников Волжского военного строительно-технического училища 1978 года, ловлю себя на мысли о том, что это военно-учебное заведение готовило все-таки не только специалистов военно-строительного производства, а, в первую очередь, воспитывало личности. И это не голословное утверждение, а подтверждение самой жизнью и судьбами выпускников этого училища.

Мне также, как моим друзьям и товарищам по учебе в Военном училище Атомного проекта, захотелось поделиться воспоминаниями о своей военной службе.

Москвич в первом поколении

Я, Карнаухов Александр, родился в ноябре 1957 года. Мои родители: отец – Карнаухов Анатолий Иванович, 1929 г.р., уроженец дер. Бортнево Пушкинского района Московской области, в 60-70-х годах прошлого столетия служил старшиной сверхсрочной службы в 41 ВСО Московского военного округа, а мама – Карнаухова Евгения Антоновна, 1929 г.р., уроженка с. Погорелое-Городище Калининской (Тверской) области, - работала мастером по пошиву верхней одежды в ателье ГУМа г. Москвы. Других родственников – москвичей у нашей семьи не было. Таким образом, род деревенско-бортневых Карнауховых продолжил свою родословную с факта моего рождения в городе Москве.

Наша семья представляла собой обычную московскую семью, словно скопированную фильмом «Москва слезам не верит». Я в семье рос один и родители по мере моего взросления возлагали большие надежды на мое будущее. Эти надежды я осознанно поддерживал, мечтая чуть ли не с пятого класса стать военным. Сколько себя помню – очень хотел подражать отцу и своим дядям по материнской линии – они тоже были профессиональными военными, да к тому же прошедшими через горнило Великой Отечественной войны.

К восьмому классу мои «хотелки» трансформировались в осознанное желание поступить в Московское Суворовское училище. Родители были только рады такому желанию. Но, огорчение прилетело с той стороны, откуда не ждали. Оказалось, что к 14-летнему возрасту у меня появились проблемы со зрением, я стал постоянно носить очки и по этому состоянию я не мог быть принятым на учебу в Суворовское училище.

Первое психологическое испытание я перенес стоически – стал рассматривать другие приоритеты: занялся радиотехникой и электроникой. В 1974 году, после окончания школы, пошел работать радиомонтажником в Центральный научно-исследовательский радиотехнический институт. Однако навязчивая мысль о кадетстве меня так и не покидала. И я стал изучать многовариантность способов, как все-таки поступить в военно-учебное заведение. Причем в любое, лишь бы быть военным. И один из таких вариантов нашелся: оказывается в среднее военное училище технического профиля допуск по зрению я погранично проходил. По совету своего отца я обратился в райвоенкомат по месту приписки и оперативно оформил личное дело кандидата для поступления в Волжское военное строительно-техническое училище. До этого случая отец, служивший в военно-строительном отряде строительно-квартирных органов Минобороны, слышал об этом училище, но не знал о его «особенностях». Но выбора у меня не было. Поэтому, получив на руки свое личное дело, с напутствием родных: «Бог не выдаст, свинья не съест», я с Савеловского вокзала Москвы поехал в Дубну с непоколебимой надеждой на поступление.

Надежда свершилась

Да и выбор оказался вовсе не плохим.

Первый экзамен – физподготовку я сдал успешно. Занятия в школе лыжным спортом дали моему молодому организму достаточной силы и выносливости. Да и очки не мешали.

Второй экзамен по русскому языку – сочинительствовал на «хорошо».

А вот по математике у меня был определенный мандраж. Но и этот рубеж был преодолен – выручил знаменитый Пифагор. Вернее – его теорема, сокращенный вариант которой я выучил наизусть на консультации Бориса Александровича Сахарова и выдал его на самом экзамене, стараясь, таким образом, произвести впечатление на женщину-экзаменатора (к сожалению фамилию её не помню). В день сдачи экзамена, а это было 17 июля 1975 года, проходил выпуск молодых офицеров. Наши два экзаменатора – доцент Сахаров и эта женщина поочередно выходили на улицу посмотреть на это торжественное и красочное событие. Возвращаясь в аудиторию, они между собой переговаривались, делились впечатлениями. Одним словом у них определенно было мажорное настроение. Мы же, абитуриенты, видя у экзаменаторов приподнятое настроение, втайне надеялись, что их благодушие снизойдет на нас в виде получения положительной оценки за экзамен.

И это чувство я ощутил, выйдя из аудитории, однако все еще эмоционально терзаясь сомнениями за исход последнего испытания. Да так, что стоящий рядом со мной такой же, как и я, абитуриент - очкарик стал успокаивать меня и убеждать в положительном исходе. Это был Сергей Омельченко, с которым мы впоследствии надолго сдружились, обучаясь в 45 группе и все три года просидев за одним учебным столом.

Курсантские будни я вспоминаю как наилучшие прожитые дни в моей жизни. Не только потому, что эти дни моей юности, не омраченные недугами и прочими житейскими и иными проблемами. А потому, что трехлетний период курсантского обучения создал твердую основу военного профессионала-офицера и дал правильный ориентир на всю дальнейшую жизнь.

На преддипломной практике. Май 1978 год, Москва.
Слева направо: Бабчанник А., Кулясов А., Карнаухов А., Красношлык Д., Воронов А., Дюжов С., Дацко В.

И ото сна опять восстав, читай настойчиво устав

Этот армейский афоризм как мантру любил повторять наш «замок» - старший сержант Осипов Александр. То, что «Устав» станет для меня священным и таким родным на многие последующие годы я и предположить не мог. Но об этом по порядку.

По распределению, я в числе восьми человек - москвичей был направлен в в/ч 05315. В те годы в столице пресловутый вопрос и московская прописка, как исключительная благодать, были положены только тем военнослужащим, которые целевым порядком приказом Министра обороны СССР назначались на воинские должности в Московский гарнизон. У выпускников - москвичей, согласно Закону СССР о всеобщей воинской обязанности, сохранялась московская прописка и жилая площадь.

В отделе кадров УВСЧ на Люсиновской мы были определены в воинские части Московского УВСЧ с учетом своего столичного места проживания. Лично я получил направление убыть в распоряжение в/ч 33888. По прибытию в эту часть командир военно-строительного полка полковник Соболев представил меня офицерскому коллективу и с коротким отеческим напутствием определил в 3 роту, командиром которой был ст.лейтенант Жаров.

На занятиях по боевой подготовки с личным составом роты в/ч 33888. Москва, 1979 год.

Вот и наступили для меня офицерские будни. Проходя службу заместителем командира роты, постепенно узнавая и осваивая премудрости офицерской службы, я стал как никогда хорошо понимать своего отца.

Через год, не без содействия отца, служившего к этому времени старшим прапорщиком в Военной комендатуре города Москвы, мне была предложена должность начальника клуба 154 комендантского полка. Я подал рапорт по команде и вопрос перевода из Минсредмаша в Минобороны был решен достаточно оперативно. Опять же пресловутый московский квартирный вопрос явился ускорителем этого назначения.

Продолжение военной службы в указанной должности меня ничуть не смущало. Находясь в этой ипостаси, я действительно высоко самооценил профессиональную подготовку, данную мне в училище. Те методики подготовки и проведения любых коллективных мероприятий с привлечением личного состава, будь то: собрание, вечер отдыха, концерт художественной самодеятельности, чествование отличника учебы и службы или победителя спортивного соревнования; ремонт помещений и оформление наглядной агитации - мне были знакомы по училищу и с успехом находили свое применение в клубе комендантского полка. За полтора года службы в должности начальника клуба я старался надлежащим образом выполнять стоящие передо мной задачи. К функционированию клуба, как боевой единице общевойскового подразделения, у командования Военной комендатуры претензий за этот период не было.

Спустя полтора года я был переведен с повышением в отдел гарнизонной службы на должность помощника начальника отдела Военной комендатуры города Москвы.

Вот здесь-то я стал не только повторять армейский афоризм: «И ото сна опять восстав, читай настойчиво устав», но и в который раз перечитывать этот устав. Гарнизонной, караульной, внутренней службы. Эти службы мы в училище изучали и несли. Правда, по сравнению с Московским гарнизоном, как оказалось, в миниатюре. В столичной гарнизонной службе очень часто приходилось сталкиваться с объемностью и многозадачностью и со случаями, зачастую выходящими за пределы уставных норм, правил и регламентов. Опять же, в разрешении этих случаев, помогли полученные в училище знания и навыки в вопросах военной администрации, основах военной педагогики и психологии. Все это в совокупности давало мне чувство уверенности в своих силах и компетенциях, не смотря на то, что я в то время был в гарнизонной службе Военной комендатуры единственным выпускником среднего военно-строительного училища. В сравнение с теми же выпускниками высших военных командных училищ, которых в Военной комендатуре было предостаточно, я потерянным себя никогда не чувствовал. Профессиональной подготовки, данной в нашем училище, мне хватало «За глаза».

Снимок на память с сослуживцами у Военной комендатуры. Германия, гор. Гримма. Лето 1984 года.

В июне 1983 года, на пятом году после окончания училища, я получил назначение в служебную загранкомандировку в Группу советских войск в Германии в 20 мотострелковую дивизию 1 танковой армии на вышестоящую должность старшего помощника начальника гарнизона города Гримма, что находится недалече от города Лейпцига.

Период адаптации и социализации, как принято говорить на современном языке, на новом месте службы состоял из непродолжительного самостоятельного изучения немецкого языка по выданной в штабе дивизии брошюре, командирского напутствия и баек сослуживцев об особенностях заграничной службы. А что устав? Так он и в Германии был таковым. Те же команды, приемы и стандарты. Те же функции военной комендатуры, лишь незначительно отличающиеся взаимоотношениями с органами городского управления и немецкой полицией, усугубленные ментальностью местного населения.

А что личный состав? До убытия за рубеж мне представлялось, что «срочники» в ГСВГ тщательно подобраны, обучены, воспитаны. По факту переменный личный состав оказался таким же, как в частях Московского гарнизона и даже как в минсредмашевской военно-строительной части. Образцовости и представительности ему точно не доставало. Да так, что работы в гарнизонной комендатуре, по выражению известного персонажа из сериальной «Ликвидации» - Давида Марковича Гоцмана, - было «За гланды».

Достаточно быстро, через месяца два после приезда в Германию, я уже довольно сносно разговаривал по-немецки. А еще через месяц – уже мог составлять документацию на иностранном языке. В этом была необходимость. Вся переписка, касательно возмещения ущерба потерпевшей немецкой стороне от действий советских войск на территории Германии: разбитые на различных учениях дороги, поломанные заборы, выбитые стекла, испорченное имущество, а также фиксация

иных нарушений беззаботного бюргерского проживания, совершенных советскими военнослужащими, - производилась на немецком языке.

В октябре 1983 года в Германию приехала моя жена: Карнаухова Надежда Ивановна с полуторогодовалой дочерью Наташей – москвичкой уже во втором поколении. В 1984 году жена заключила контракт, облачившись в военную форму прапорщика. И вот в таком составе военная чета Карнауховых добросовестно отслужила в ГСВГ до 1988 года - до очередной плановой ротации.

Вернувшись в Союз, мне вновь была предложена военная служба в Военной комендатуре Москвы, а жене – в финансовом органе Комендантского полка. Не буду утверждать, что козырной картой в этом пасьянсе, было наличие жилья и московская прописка. Но верно знаю: рекомендация начальников из военных комендатур предопределило новое «прежнее» место службы.

Таким образом, ставший привычно-повседневным афоризм про восставший ото сна устав, стал для меня словесным талисманом и прямой командой для созидательной деятельности. На тот период времени это было актуально. Шла реорганизация Вооруженных Сил СССР, а затем РФ. Варшавский договор канул в Лету. Менялась военная доктрина страны. Активно, к месту и не к нему, отменялась многие директивные документы и вводились новые. Военную форму стало носить не престижно. Славный офицерский корпус подрабатывал грузчиками, извозчиками, охранниками…

На ум приходит восточное изречение - проклятие: «Чтоб ты жил в эпоху перемен». Как и многим моим однокурсникам, мне удалось пережить эту эпоху перемен с минимальными потерями и вступить в эпоху начала возрождения российской армии с моим талисманом и новыми уставами, пройдя в Военной комендатуре должности: от начальника комендантского отделения до помощника Военного коменданта города Москвы. Завершил я военную службу в 1998 году по состоянию здоровья в звании майора. Моя жена Надежда Ивановна – уволилась с военной службы из Московского горвоенкомата 2002 году в звании старшего прапорщика.

Вот такая незамысловатая военная часть биографии получилась у меня. Прочитал и выдохнул. Об особенностях своей военной службы я не стал рассказывать. Их много. Были также курьезные и несчастные случаи, проступки и преступления. Большинство из них были связаны с неисполнением уставов. В этой связи вспоминается, как наш курсовой «Батя» - так мы между собой называли начальника нашего курса полковника Васильца Василия Ефимовича, говорил, что воинские уставы написаны кровью. Ряд моих однокурсников тоже служили в комендантских подразделениях в военно-строительных частях и могут подтвердить этот тезис и привести массу тому примеров. Я же с позиции своего 17-летнего опыта военной службы в Военной комендатуре смею продолжить высказывание «Бати»: «… из-за безграничного полета буйной армейской фантазии!».

Прошло более 45 лет, как в Дубне свершилась моя надежда. И мне от этого легко и спокойно, потому что я своей судьбой доволен и счастлив. И прежде всего тем, что у меня прекрасная семья, рядом родная жена Надежда. Что моя любимая дочь - Печагина Наталья Александровна, самодостаточна, состоялась как личность во всех отношениях. Что у меня подрастают две внучки – Виктория и Дарья, москвички в третьем поколении.

Доволен тем, что у меня есть друзья и товарищи, что есть наше братство выпускников. Подумать только – всего три года обучения, а воспоминаний и позитива

от этого - на всю оставшуюся жизнь. Я благодарен судьбе, что у меня состоялась такая незамысловатая биография.

Надеюсь на скорую встречу с вами, дорогие мои однокашники!

Александр Карнаухов. Сентябрь 2021, г. Москва.